

Наш земляк Владимир Кузнецов снял документальный фильм «Василий Шукшин. Родина навсегда». В своем интервью он рассказал, как в Сростках, на горе Пикет, устанавливали памятник Шукшину, выполненный скульптором Вячеславом Клыковым, о любви Шукшина к матери, Родине и о том, на чьей стороне был бы Василий Макарович сегодня, если был бы жив.

Напомним, что памятник В.М. Шукшину и документальный фильм «Василий Шукшин. Родина навсегда» созданы по инициативе и на средства московского промышленника, известного благодотворителя, мецената, попечителя журнала «Бийский Вестник» Сергея Павловича Козубенко.

От редакции

– Владимир Сергеевич, а вам нравится этот памятник Шукшину?

– Не могу сказать, что я от него в полном восторге, но сущность Василия Макаровича он передает. Хотя я даже не могу сказать, что он сильно похож. Первый клыковский памятник, который стоит во дворе музея, похож больше, хотя он там несуразный весь, с какими-то огромными руками... Марье Сергеевне, матери Шукшина, этот памятник сильно не нравился. Когда прислали фотографию проекта, она расстроилась: «Ой, кого Слава там наделал? Что же Вася, все время в сапогах ходил? Да он и в ботинках ходил, и с галстуком». Но, тем не менее, Клыков передал какое-то нервное напряжение в лице, вот эти скулы... А во втором памятнике нет, может быть, портретного сходства, но все равно суть схвачена.

– Что вы имеете в виду?

– Фотограф Ковтун, который снимал Шукшина, говорил, что у него на лице все время была какая-то маска. Виктор Петрович Астафьев, с которым мы много лет дружили, рассказывал: однажды они втроем – Шукшин, Белов и он – рыбачили на каком-то озере. И тут – рассвет, над водой чуть-чуть показалось солнце... Я, говорит Астафьев, единственный раз в жизни увидел Шукшина таким, каким его задумали папа с мамой. Лицо у него вдруг обмякло, стало детское-детское, лучистое. А все остальное время – да, у него была эта маска, ожидание удара: со спины, сбоку или прямо в лоб. И в памятнике Клыкова это передано.

Я перечитал все эпистолярное наследие Шукшина. Мы пытаемся понять: откуда в нем это – а в его письмах к матери, Астафьеву, Белову эта черта проявляется более полно, чем еще где-то. Там настолько плещется этот живой нерв... И в фильме я хотел не только найти ответ на вопрос, почему Клыков, который делал памятники всем великим людям России, захотел сделать второй памятник Шукшину. Меня мучила мысль: был бы сейчас жив Шукшин, с

кем бы он сейчас был? Очень хорошо отвечает Губенко: «На чьей стороне был бы Шукшин? Да он сам был стороной!»

– **Ваш фильм об этом?**

– В фильме параллельно идут две линии. Первая – история появления памятника. А с памятником, если помните, была непростая ситуация. Большинство жителей Сросток и родственники Василия Макаровича хотели, чтобы его поставили прямо в деревне, рядом с Чуйским трактом. На Михаила Евдокимова, который тогда был губернатором, давили, и в центре села уже была оборудована площадка... Вот представьте: огромный босой Шукшин, вокруг маленькие домишки – это смотрелось бы чудовищно. Клыков сказал: если не на горе, я увожу памятник обратно, мы найдем, где его поставить. Так как все уже было готово к торжествам, Евдокимов дрогнул и согласился.

И вторая параллель в фильме – размышления Шукшина: его публицистика, переписка с матерью. Там, например, есть о фильме «Печки-лавочки»: «Эх, если бы я мог всю правду сказать, вообще бы фильм не приняли, и так вырезали половину». Действительно, процедура сдачи была очень сложной, из него вырезали практически душу фильма, кадры с Федей-балалаечником смыли. Заболоцкий (оператор-постановщик фильма. – РП) рассказывал и чуть не плакал. Тогда была такая установка: материал, который не вошел в фильм, смывали на серебро...

– **Владимир Сергеевич, а вы знаете, что в местах, где снимали «Печки-лавочки», до сих пор помнят про Федю?**

– Да я сам родом из тех мест и с Федей был хорошо знаком. Если честно сказать, это был последний скomorох России. Он ходил по окрестностям Советского, Алтайского, Красногорского и Бийского районов – по этому кругу, редко появлялся ближе к Горно-Алтайску. А мой отец был главным агрономом в целинном совхозе «Урожайный». Едем как-то по полям – идет Федя. Идет босиком, а через плечо перекинута сапоги, которые ему Шукшин на съемках «Печек-лавочек» подарил; в руках балалайка и котомка. Голосует: «О, Сергей Матвеевич, подвези до тока ближайшего». Приезжаем на ток, вся работа прекращается. «Федя, у нас бригадир пьяным напился!» Федя тут же выдает про этого бригадира частушку с картинками. Он их сочинял тут же! На ходу, это вообще фантастично! Хохот стоит, работы никакой нет, потом Федю кормят на полевом стане, и он идет дальше.

– **У него не было семьи, дома?**

– У него не было даже фамилии! Это ему Шукшин придумал фамилию – Тилилецкий, созвучно с Телецким озером; на самом деле у него не было ни паспорта, ни фамилии: Федя-балалаечник, так мы его звали. Он был морщинистый, с беззащитной улыбкой... Когда Федя погиб, весть об этом быстро разнеслась по всем селам. Он ехал с водителем по Чуйскому тракту, водитель попал в аварию и сбежал, бросив Федю истекать кровью, от потери крови он и умер. Хотя его, наверное, можно было спасти. Но вот такая судьба у человека.

– **Вот, наверное, ответ на вопрос, на чьей стороне был бы Шукшин – на стороне Федеи.**

– Наверное, да. Там, в наших краях, пословица есть: «Через дом гармонист, через два – дурак». Таких, как Федя, считали чудиками, дуриками. У нормального крестьянина – дом, корова, хозяйство, а как появляются такие... К ним относятся снисходительно, вроде: ну живешь ты, скomorошничаете – ради

бога, но мы-то будем жить как положено, у нас будет скотина, дом. Иногда их обижали – я помню, на того же Федю некоторые пытались собак спустить: а, дурачок идет, фас! Но люди сами же за него и заступались. Его любили и на частушки его не обижались. А частушки он пел очень злободневные, ядовитые. Я не могу их воспроизвести, к сожалению, хотя помню.

Очень интересную историю жизни Шукшина можно рассказать через его эпистолярное наследие. Если бы у меня была возможность, я бы снял еще и такой фильм.

В этих письмах, записях так много всего, так больно это звучит, он так переживал свои фильмы... Помню, Виктор Петрович Астафьев рассказывал: они с Шукшиным приехали в Вологду, где тогда жил Василий Белов, пошли втроем посмотреть фильм «Странные люди». Фильм шел только в одном кинотеатре, где-то на окраине города. Билет стоил рубль, и билетерша сказала: «Мужики, не ходите, лучше пропейте – кино-то плохое». Шукшин аж побелел весь, скулы заходили... Они, конечно, пошли, кино посмотрели, а после этого он написал: «Умри, но не кричи в пустом зале» – такие строчки.

– Владимир Сергеевич, а как вообще вышло, что вы, деревенский мальчик, сын агронома, стали кинематографистом?

– Дело было перед армией. Я работал в совхозе то на сеялке, то на тракторе, ездил с папой на «газике» по полям и подумывал поступать в Тимирязевку. Слышу, ребята говорят: в соседней деревне Шукшин кино снимает. Про Шукшина мы уже знали, конечно. Уже вышли «Ваш сын и брат», «Живет такой парень», фамилия была на слуху – интересно. Сели мы на велосипеды, 12 км по полям – и приехали в Шульгин Лог. А там съемочная площадка, все оцеплено, Толя Заболоцкий, еще совсем молодой, с камерой, Шукшин в плаще, в кепке кричит в мегафон, отдает команды. Нас то разгонят, то подпустят.

Этот мир, увиденный нами, меня поразил. Я приехал домой и сказал: «Буду во ВГИК поступать». Мне сказали: «Дурак ты, какой тебе ВГИК, троечник»? А я правда в школе учился на тройки, хотя по литературе всегда было «отлично», и читал я много. Учителя записки в библиотеку писали, чтобы мне больше пяти книг в неделю не давали. А потом в армии, в 1972 году, уже перед демобилизацией, нам привезли «Печки-лавочки». Представьте мою реакцию: я два года жил, не видя ни родных, ни дома. И вдруг в клубе на экране – гора Бабырган, которую я с детства видел из своего окна, люди, которых я знаю, сцена со съемки, на которой я был... Я прыгал, кричал: «Это Федя! Я его знаю! И этого знаю!»

Но еще больше меня укрепило в решении знаете что? Я пошел в увольнение. Шел по городу, дело к зиме, думаю – где бы погреться? Смотрю, висит афиша: «Андрей Рублев». Из кинотеатра я вышел потрясенным. Я понял: есть настоящий язык кино. До этого я пересмотрел, наверное, сотни фильмов, тем более что в армию кино привозили чуть ли не каждый день, но тут я увидел кино с большой буквы. Я еще раз купил билет, еще раз зашел и посмотрел этот фильм. И с тех пор стал всерьез думать о том, чтобы пойти в кино.

– А как получилось, что вы подружились с Астафьевым?

– Был 1986 год. Я два года как окончил ВГИК, жил в Красноярске, только началась перестройка, и стали говорить о гласности. Я снял фильм «Плотина». Он потом стал знаменитым, шел в кинотеатрах страны, и в кассы стояли очереди. Это было кино о гидростроении, о том, какой экономический и экологический ущерб наносят крупные гидростанции. И там у меня очень умные

люди говорят, что не надо было строить такие ГЭС, как Саяно-Шушенская. Они уже тогда предсказывали, что произойдет: это же сейсмоопасный район! Или Богучанская ГЭС, которая строилась в глухой тайге, – ни к чему она там: энергию продают в Китай, но сколько деревень затопили, земли, леса! Вот об этом был фильм. Я привожу его в Москву сдавать в Госкино. Киномеханик выскочил ко мне обниматься: «Молодец! Ты всю правду сказал». А чиновники сидят надутые: нет, фильм не принимаем, что ж у вас за голословные утверждения? Давайте нам заключение из Академии наук, что все это соответствует действительности. Академией наук тогда руководил академик Яншин, он написал, хоть и очень обтекаемо, что фильм вроде как можно выпустить на экран. Но тут вмешался КГБ. Стали меня прессовать: «Ты антисоветчик. Ты против советской власти, против великих строек коммунизма! Подпиши, что этот фильм тебя подговорили сделать вот эти люди» – и дают мне список.

Я, естественно, ничего подписывать не стал, и началась обработка. Они уже приходили ко мне, как к себе домой, дверь пинком: «Ну что, парень, суши сухари! Ты снял всего два фильма, и все, карьера кончается... Законопатим лет на десять, посадим в психушку, а у тебя жена, ребенок...» Прессовали, прессовали...

И вдруг ко мне на киностудию приезжают Астафьев, Распутин, Крупин и Роман Солнцев, был такой известный поэт: ну, покажи нам свой фильм. Я показываю фильм, они пишут письмо Горбачеву: «Уважаемый, вы тут ратуете за гласность, за правду, а вот парень снял честный фильм, а его скоро посадят. Вы уж как-то вмешайтесь». И только после этого от меня отвязались, фильм пошел на кинофестивали, его перевели на многие языки, продали в 25 стран и получили, говорят, валюты больше, чем Уралмаш дает за полгода работы на экспорт. Вот так мы с Астафьевым познакомились.

– **Это правда, что он «Прокляты и убиты» у вас дома написал?**

– Он начал писать роман – а у него же легкое прострелено, рука прострелена, а в Овсянке рядом Енисей, гидростанция, холодом тянет. И еще постоянно ходоки, надо и не надо – идут, кто еще и с водкой... Он же не поставит охрану, не запретят в деревенском доме. И вот он говорит: «Володька, отвези меня куда-нибудь, где меня никто не знает, где сухой климат и где я смогу поработать». Я позвонил сестре Тане – она живет здесь, в Советском районе, в Никольском: так и так, Петрович хотел... – «Да пусть приезжает». Он два лета приезжал к ней и работал над романом. Я видел – и это тоже потрясающее зрелище, – как он выходил из этой комнаты, где работал. Как с поля боя, как только-только из атаки, настолько погружался в этот военный материал. На это, конечно, больно было смотреть. Но все равно были и очень хорошие вечера. Виктор Петрович замечательно пел вместе с моей сестрой, и еще несколько учительниц там были; они собирались и пели по вечерам народные песни. Это, конечно, было прекрасное время.

Районное начальство ничего не знало о том, что Астафьев там был. И вдруг – Астафьеву уже завтра уезжать – к Таниному дому несется кавалькада черных «Волг». Выскакивает начальство и на меня: «Ты что не сказал? Мы бы хоть питание ему организовали!» Обиделись. Зато ему никто не мешал, и огромные куски романа «Прокляты и убиты» написаны в селе Никольское. У меня есть намерение повесить на этом доме мемориальную доску.

– **Владимир Сергеевич, какие книги надо сейчас писать, по-вашему? Какие фильмы снимать? О чем сейчас художник должен говорить с людьми, какие задачи решать?**

– Шукшин говорил: нравственность есть правда. Значит, нравственное кино – это правдивое кино. Но опять же... Я, например, не поклонник «Левиафана». Правда у него показана? Да! Но в то же время и неправда. Ну не вся это Россия. Понимаете, у кино есть способность обобщать. Рассказываешь о каком-то частном случае, но получается, что рассказываешь обо всем. С этим надо считаться. Звягинцев обобщает: вся Россия такая, как этот поселок. Я с этим не согласен.

Думаю, сейчас есть два пути: опустить человека вниз, в преисподнюю; или поднять к небу. Я считаю, что надо за руки, за ноги, за волосы, пинками, но тащить человека вверх, а не спускать его в эту пучину. Туда, вниз – легко: толкни, и покатился. А вверх – нелегко. Для меня это критерий: какое кино снимать, какие писать книги и вообще что делать с людьми.
